

ПРОЛОГ

Кашмир, Индия, 4 года

Первый раз я оказалась на волосок от смерти в четыре года, когда в Гималаях у папиной машины отказали тормоза.

Дорога идет высоко над облаками, и я, уютно устроившись на заднем сиденье, рассматриваю блестящие пуговицы на своем красном комбинезоне-денгари. По-моему, этот вид одежды ужасно недооценен. Под комбинезон даже не обязательно надевать футболку — можно просто натянуть его, застегнуть и отправляться покорять мир.

Повернув голову, я замечаю, что мир несется мимо как-то слишком быстро. Слева, раскрыв рот, сидит моя сестра Кьяра, а за ней в открытом окне мелькает отвесная стена скалы. Справа, за крепко сжатой челюстью брата Фрэнка, видно только синее небо — там узкая дорога срывается с гор в пустоту.

Впереди сидят предки.

Я наклоняюсь, чтобы оценить выражение их лиц и понять, стоит ли волноваться. Мама наконец-то пристегнулась, пальцы отца на руле побелели, это заметно даже под глубоким загаром. Какая-то колымага, несущаяся навстречу, истошно сигналист, и папа

резко поворачивает к обрыву, чудом избежав столкновения.

Внезапно перед нами возникает крутой поворот. Визжат тормоза, что-то жутко скрежещет по днищу машины. Я падаю боком на Кьяру, которая прижимает меня к коленям, а Фрэнк за лодыжки ловит мои взметнувшиеся ноги. Мне кажется, что мы начинаем замедляться, и я чувствую, как расслабляется тело Кьяры, но тут тормоза отказывают, и машина устремляется под уклон, постепенно набирая скорость.

— Туда! Там ровно! — кричит мама.

Похоже, это серьезно: не было такого, чтобы она давала указания папе, когда тот за рулем. Нас выносит с дороги, и теперь мы, содрогаясь, мчимся по камням. Фрэнк накрывает меня собой. С металлическим лязгом зад машины заносит в сторону, колеса попадают в какую-то яму, и мы, к счастью, наконец-то останавливаемся.

Кьяра разжимает стиснутые руки, и я выпрямляюсь, кашляя от пыли, влетающей в открытые окна. Оказывается, мы въехали в небольшую деревню, чуть не оборвав веревки с сохнувшим бельем. Нас окружают деревянные хижины, бурая земля и переполошившиеся от нашего внезапного появления куры. Я чувствую их запах. Коза, привязанная к столбику с красно-белым логотипом *Coca-Cola*, быстро моргает, как будто удивлена не меньше нашего.

Эта облезлая табличка, призывающая пить колу, — единственное яркое пятно. Как и мы, она выглядит здесь, на вершине мира, совершенно неуместной.

Заверив маму, что все живы, мы вылезаем из этой гадкой машины, хватая ртами разреженный сладкова-

тый воздух. Из одной хижины выходит босой парень лет шестнадцати — ровесник Кьяры. За ним появляется мужчина постарше.

Я разглаживаю мятый комбинезон — первое впечатление очень важно.

Глядя на этих двоих — скорее всего, отца и сына, — замечаю прежде всего их глаза. Как и у многих жителей Кашмира, они светло-карие и необыкновенно блестящие. Мама говорит, это потому, что они не играют в компьютер и не смотрят телик. Нам тоже этого не позволяют, можно только проверять цену золота на Си-эн-эн. Я слышала, что есть такие штуки — мультики, — но никогда их не видела.

Судя по жестам, они стараются объяснить, что парень умеет чинить машины. И действительно, он ныряет обратно в хижину и возвращается с инструментами и мотком проволоки.

— Это из этой проволоки клетка сделана? — нервно спрашивает мама.

Мы смотрим на загончик, обитатели которого все еще хлопают крыльями, а потом на моток, лежащий на обочине.

— Да, — отвечает папа, — из нее.

Парень ввинчивается всем своим худым телом под нашу машину и вылезает только примерно через час. Идея взять деньги его оскорбляет, но, прежде чем запустить разболтавшийся двигатель, папа все же сует скомканные банкноты в открытый чемоданчик с инструментами. Чтобы убедиться в нормальной работе тормозов на склоне, парень несколько километров едет за нами на своем раздолбанном мопеде с инструментами и проволокой в корзине — просто на всякий

случай. До следующего плато мы добираемся без происшествий. Он тормозит, упираясь босыми ногами в землю, мы долго машем друг другу, и его ослепительная улыбка постепенно тает вдали.

— Вот это называется качественное обслуживание, — довольно кивает папа.

Проехав вниз по склону, мы останавливаемся на обочине, а затем достаем чапати и бананы, чтобы отпраздновать возвращение в мир живых. Это два основных наших продукта питания. Нам, строгим вегетарианцам, любителям здоровой пищи и вечным путешественникам, хорошо известно, что ничто не сравнится с великолепным бананом. Мы, дети, сидим на пыльном багажнике машины. Лица у всех усыпаны веснушками, а длинные волосы никогда не знали ножниц. Наша семья исповедует сикхизм (это началось задолго до моего рождения), поэтому нам нельзя стричься, чтобы не нарушать священную традицию. Прежде чем приступить к еде, следует произнести короткую молитву на пенджаби. Мы с Фрэнком частим, и Кьяра поджимает губы.

Пока мы играем друг с другом в гляделки, мимо проезжает ржавая серая машина, кренящаяся набок оттого, что за ее крышу цепляется еще один пассажир. Все поворачиваются к нам. Европейцев в этих местах почти не бывает, и мы представляем собой необычное зрелище: двое взрослых сидят впереди, двери распахнуты, а трое детей устроились за ними. Казалось бы, обычная семья сикхов. Вот только наш папа — широкоплечий викинг шести футов ростом, дочерна загорелый, с копной непослушных рыжеватых волос и бородой, спадающей на грудь. Из одного термоса с ним

пьет чай моя мама: у нее тонкий профиль, большие синие глаза и стройные ноги в черных брюках. На заднем сиденье — двое темноволосых подростков — Фрэнк, пугающе красивый, и Кьяра. Она хмурится, понимая, что ей до него далеко. А рядом с ними — я, крошечная неожиданность, четырехлетняя миниатюрная копия отца в красном денгари. Ко всему прочему, зовут меня Харбхаджан Хальса Нанак.

Лично мне очень нравится, что мы такие странные.

— Харбхаджан, будешь доедать? — спрашивает Фрэнк и тянется за остатком моей чапаты.

Я наслаждаюсь лепешкой, подставив лицо рыжему закатному солнцу. Воздух невероятно тих, как бывает только вдали от городов и цивилизации. Со скоростью молнии я прижимаю чапаты к груди.

— Дай ей поесть. — Кьяра толкает его в плечо.

Она на два года старше брата и ведет себя очень уверенно.

— Заткнись! — Фрэнк отталкивает ее руку и откусывает полбанана.

С тех пор как ему исполнилось четырнадцать, он ест все, до чего может добраться, но растет только вверх. В этом, как и во многом другом, они совсем не похожи друг на друга, о чем Фрэнк постоянно напоминает ей одним своим видом.

Я спрыгиваю на землю, зажав чапаты в руке, и направляюсь к папе. Он стоит перед открытым капотом и изучает двигатель.

— Бхаджан, иди сюда. Я покажу тебе, как работает мотор. — Он наклоняется и подхватывает меня.

Его борода щекочет мне щеку. Я наполняюсь противоречивыми чувствами: счастьем, потому что

папины огромные руки крепко держат меня, и унынием, оттого что урок может оказаться долгим.

— Помнишь, что я тебе рассказывал про карбюратор?

Я лихорадочно копаюсь в памяти, но ничего не могу оттуда выудить.

— А теперь перейдем к поршням. Они сжимают смесь бензина и воздуха... — Отец замолкает и берет в качестве наглядного пособия термос.

Я стараюсь запомнить как можно больше слов, потому что знаю, что в будущем меня ждут вопросы и викторины. Они случаются в любое время: после утренней семейной кундалини-йоги, когда мы покупаем гхи¹ на рынке, перед еженедельной получасовой тихой медитацией. Мы трое не ходим в школу, потому что папа считает все образовательные учреждения рассадником правительственной пропаганды и сборищем туповатых бюрократов. Так что мы учимся по ходу дела.

«Время географии», — объявил он как-то утром еще до рассвета.

Мы все стояли на туманном плато, нас немного тошнило от высоты, и единственное, о чем мы мечтали, чтобы он таскал нас в эти непонятные походы в человеческое время. Я сонно ежилась и смотрела на гору облаков.

Солнце поднималось медленно, согревая мои голые руки. Когда туман рассеялся, вокруг нас неожиданно открылось небо. Занялся день, и мы увидели Гималаи во всей красе.

---

¹ Разновидность очищенного топленого масла. — *Примеч. ред.*

«Вот там Пакистан, а там Китай». — Папа указал на горизонт, туда, где две эти страны граничат с Кашмиром.

Он опустился на колени, а я в ужасе смотрела на него.

«Это Земля, Харбхаджан, — прошептал он мне на ухо. — И она твоя».

Стоя рядом с ним, я чувствовала, что могу потянуться вперед и обнять весь мир.

— Итак, зачем нужны поршни?

Прижимаясь к папиной груди, я доедаю чапати и возвращаюсь в реальность.

— Они гоняют воздух.

— Правильно! Поехали!

Машина кашляет, плюет, скрипит и заводится. Мы направляемся в Сринагар.

Темнеет. Мимо проезжает открытый армейский джип. В кузове в два ряда навывтяжку стоят солдаты с винтовками. Кашмир совсем недавно снова открыли для иностранцев после многолетнего кровавого конфликта между Индией и Пакистаном и постоянных перестрелок на границе.

Мама смотрит на солдат с тревогой и предлагает повернуть назад. Папа сообщает, что мы уже и так в полном дерьме и можем либо оставаться на обочине до конца своих дней и разводить кур — хотя проволоки для клеток у нас совсем немного, — либо ехать вперед.

— Что думает личный состав?

— Вперед! — кричим мы втроем с заднего сиденья.

Окна открыты, в них льется теплый, напоенный запахом земли воздух. Мы едем сквозь ночь. Меня

укачивает, и я, закинув ноги Фрэнку на колени, погружаюсь в похожий на кому глубокий сон. Мы едем к летней столице Кашмира.

Я мгновенно просыпаюсь оттого, что кто-то грубо хватает меня за руку. Слышны резкие голоса на местном диалекте.

Я сажусь, ничего не понимая:

— Что проис...

Кьяра и Фрэнк шикают на меня и одновременно тычут в плечо. Мы уже никуда не едем, и я вижу, что в машину заглядывают двое. Наши фонарики выхватывают из темноты длинные стволы винтовок. Появляется еще один солдат и наклоняется к папе. Дорога пуста. Сердце у меня колотится, и тут начинается дождь. Капли смывают пыль с ветрового стекла.

Луч фонаря освещает заднее сиденье, и я закрываю глаза. Двое солдат, очень молоденьких, в одинаковой форме цвета хаки, поднимают винтовки и целятся нам в головы. Тот, который говорит с папой, повышает голос, как будто от этого кашмири станет понятнее, и жестом велит нам выйти из машины. Папа не двигается. Наши правила — никогда не разделяться и всегда держаться вместе.

Солдат настаивает. Другой подходит с маминой стороны, тычет в нее стволом. У меня подводит живот, пальцы сжимаются на истертой коже сиденья. Солдат рядом с папой уже кричит и берется за ручку дверцы. Я слышу, как мама хватается ртом воздух.

Тихо, так, чтобы не заметили солдаты, папа переключает передачу.

Что он делает?!

Мы медленно катимся вперед. Солдат что-то орет, папа кивает и улыбается, будто соглашаясь. Радостно

машет из окна, кричит «Спасибо!» и снова переключает передачу. Солдаты озадаченно замолкают, а наша машина быстро набирает скорость. Я выглядываю в заднее окно. Дождевые капли, словно пули, барабанят по крыше.

— Спрячьте ее! — кричит папа.

Меня спихивают на пол, Кьяра и Фрэнк нависают надо мной, стараясь прикрыть своими телами. Чьи-то колени впиваются в ребра, я пытаюсь оттолкнуть их, не в силах унять дрожь, а машина все разгоняется. Быстрее, быстрее — и все дальше и дальше.

Наконец меня отпускают. Мы смотрим назад, ожидая выстрелов или погони — полного джипа разогнанных солдат. Но дорога пуста.

— Матерь божья, чуть не влипли, — еле слышно шепчет папа.

К счастью, мы успеваем немного сбросить скорость до того, как сбиваем человека на велике. Он внезапно появляется в свете фар, пересекая дорогу прямо перед нашей машиной. На мгновение мир будто встает на паузу. Велосипедист в ужасе смотрит на нас.

И снова брат с сестрой удерживают меня от падения. Папа бьет по тормозам. Раздается негромкий бум, наша машина задевает заднее колесо велосипеда, человек летит вперед и падает на дорогу. Я ору, а папа останавливает машину. Велосипедист лежит, раскинув руки.

Мы со страхом смотрим на него и молчим.

Но... он двигается! Мужчина осторожно садится, потирая ногу. Потом кое-как встает, выпрямляется. Мы трогаемся с места, и он остается позади.

— Подожди, нельзя же так, — возражает мама.

— А вдруг за нами гонятся солдаты?! — рывкает отец, и жилы на его шее вздуваются. — Это не игрушки!

Я пригибаюсь на заднем сиденье, делая мишень еще меньше.

В общем, как бы там ни было, но мы наконец добираемся до цели.

Сринагар оказывается почти совсем безлюдным. В сероватых рассветных лучах мы едем по пустому рынку и ищем отель. Я обхватила себя за плечи и дышю: старшие велели мне заткнуться, потому что им надоели мои бесконечные вопросы о том, как себя чувствует дяденька-велосипедист и что с ним будет дальше.

Мы выезжаем из узкого переуллка и вдруг видим большой и удивительно элегантный отель, частично скрытый за деревьями. Никто не говорит ни слова, когда папа проезжает мимо, словно не замечая его. Он сейчас в таком настроении, что малейшее раздражение может вызвать бурю, да и усталость не делает его разговорчивее. Мы молчим, пока папа колесит по всему городу. Когда он второй раз проезжает мимо отеля, Фрэнк мечет в меня злобный взгляд, чтобы я молчала. В третий раз они с Кьярой смотрят на меня умоляюще, и я сразу понимаю, что к чему.

— Папочка! — радостно кричу я. — А что там за такой большой дом?!

Вблизи отель оказывается очень запущенным. Как будто все люди давно исчезли, бросив его.

— Мне кажется, там никого нет. — Папа наблюдает, как мы выходим из машины и разминаем ноги.

Мы погружаемся в странную, призрачную тишину. Наконец из тумана vyplывают двое мужчин

и пухленькая симпатичная женщина, которые поспешно провожают нас в лобби, почти лишенное мебели, но с белыми мраморными полами и высокими потолками. Некоторые окна заколочены, рядом слоняются солдаты — огромные широкоплечие парни с винтовками. Все пялятся на нас: думаю, что из зоны боевых действий редко приезжают светло-волосые (по крайней мере, наполовину) компании вроде нашей.

Я слышу, что папа регистрируется под новым именем — не под тем, что мы использовали в прошлый раз. Его любимые варианты «Нал», «Стерлинг» и «Голд». Они никогда не совпадают с фамилиями в пяти синеньких паспортах, которые папа всегда носит при себе. Я знаю, он так делает, чтобы не оставлять следов, хотя мне непонятно, почему это так важно. Но я не задаю вопросов, принимая такую особенность как данность. Точно так же я знаю, что надо молчать, когда подходят пограничники, сотрудники иммиграционных служб и вообще кто угодно, если он хотя бы немного похож на копа. Я наизусть знаю все правила отца, потому что мы все верим в них: всегда храни верность семье, потому что мы никогда не предадим друг друга; никому не доверяй — они чужие; будь преступником — но веди себя благородно.

По этим законам мы и живем — по нерушимому кодексу изгнанников.

Остаток недели мы коротаем в Сринагаре, и папа отдыхает у пустого бассейна. Делать тут особо нечего, но нас никогда это не останавливало. Втроем, с Фрэнком и Кьярой, мы ходим на рынок, стараясь попасть

к его открытию, и покупаем там огромные гроздья бананов, которыми делимся со своими новыми друзьями — солдатами. Мы сидим на раскаленном бетоне вокруг выбеленного солнцем бассейна и играем с двумя из них в карты. Они не говорят по-английски, но в игре под названием «снап» это не имеет никакого значения. Я на третьем месте, потому что они боятся сломать мою маленькую лапку, если мы разом хлопнем по совпадающим картам. У Фрэнка и Кьяры такого преимущества нет. Мама в широкополой летней шляпе, очень красивая и загорелая, выглядывает из дверей, смотрит на нас, вздыхает и уходит обратно. Она вообще не любит, когда мы зависаем с ополченцами, бродягами или японской мафией. А с кем еще нам общаться?

Кьяра показывает пальцем на яркую птицу, и мы некоторое время любуемся блестящими от солнца перьями, а потом возвращаемся к игре. Но что-то не так... моя стопка стала тоньше. Я перестаю играть и хмурюсь, Фрэнк подозрительно косится на солдат. Но они смотрят только на Кьяру.

— Ты взяла карты Бхаджан? — с недоверием в голосе спрашивает Фрэнк.

Кьяра нервно ерзает. Никто не двигается. Один из старших отделяет часть своих карт и молча протягивает мне.

— Ты отдала карты Бхаджан ему? — Фрэнк вспыхивает.

Я ничего не понимаю. Большинство людей может солгать ради победы, но сестра обманула меня просто так, без всякой причины.

— Бхаджан, извини... Я просто хотела показать тебе, что нельзя всегда выигрывать.

Птица парит у нас над головами, и ее тень скользит по бетону, но на этот раз никто не поднимает головы.

Вечером Фрэнк находит в наших пожитках маленький швейный набор и зовет меня. Предлагает сшить наши пятки. Я сомневаюсь в разумности его предложения, но он говорит «доверься мне», и игла, протыкающая огрубевшую кожу, почему-то не причиняет никакой боли. Красную нитку хорошо видно прямо под кожей. Она соединяет мою правую пятку с его левой.

— Волшебно! — Кьяра отрывается от книги. — Вы двое теперь связаны.

— Ой, зануда нам завидует, — хихикает Фрэнк, и мы с ним валимся на ковер, умирая со смеху.

— Ты думаешь, что ты крутой, потому что тебя все любят. — Этот насмешливый тон Кьяра приберегает для брата.

Он смотрит ей прямо в глаза, и я чувствую знакомое напряжение: сейчас будет драка.

— Но на самом деле ты просто девчонка, Фрэнк. — Она встает с кровати. — Маленькая слабая девчонка.

Он торопливо разрезает нитку между нашими ногами и поднимается. Фрэнк на два года младше Кьяры, но уже на голову выше. Я отползаю подальше. Ситуация выходит из-под контроля, как постоянно случается во время наших споров. Слова ранят, словно ножи.

— Хочешь меня ударить? Да тебе слабо, Фрэнк!

Я на всякий случай залезаю на подоконник. Брат сжимает кулаки, теплые карие глаза чернеют. Кьяра прижимается к стене, и в ее светлых глазах что-то вспыхивает. Они оба такие разные. Они даже стоят по-разному. Он — прямо, будто врос в пол, а она